

СПИРИТИЗМЪ

КАКЪ ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНАЯ ДОКТРИНА.

Въ послѣднее двадцатилѣтіе надѣлалъ много шума въ Европѣ и особенно въ Америкѣ такъ называемый спиритизмъ. Начавшись довольно странною практикою—родомъ вызыванія и допрашиванія духовъ, онъ постепенно и весьма быстро превратился въ теорію для объясненія этой практики и потомъ въ цѣлую философско-религіозную систему, въ цѣлое своеобразное міросозерцаніе, отзывающееся по своему на всѣ вопросы науки и жизни. На этой послѣдней ступени своего развитія спиритизмъ, какъ и всякая почти философская и особенно религіозно-философская система, общаетъ переворотъ въ умственной, нравственной, религіозной и социальной жизни человѣчества; общаетъ новую эру, которая должна характеризоваться установленіемъ постоянныхъ, всеобщихъ и правильныхъ сношеній съ міромъ духовнымъ, и непосредственнымъ, точнымъ, научно-эмпирическимъ познаніемъ о сверхчувственномъ: онъ общаетъ превратить въ опытную науку метафизическое ученіе о Богѣ и духѣ человѣческомъ, сдѣлать истины религіи изъ предметовъ вѣры — предметами положительнаго знанія и навсегда прекратить всѣ сомнѣнія, колебанія и произволъ въ этой великой и важной области. Явившись среди развалинъ идеалистическихъ построеній первой четверти XIX вѣка, общавшихъ въ свое время тоже открытіе новой эры,—среди безотраднѣйшихъ выводовъ естественно-науч-

ной метафизики материализма, — среди скептицизма позитивной эмпирической философии, — среди религиозного индифферентизма, невѣрія, самыхъ сильныхъ нападеній на христіанство, явившихся вообще — среди дѣйствительнаго или мнимаго разрушенія и потрясенія всего того, что полагалось въ основу міросозерцанія и жизни, — спиритизмъ на первыхъ порахъ обратилъ на себя большое вниманіе общества, возбуждиль самыя преувеличенныя ожиданія и нашелъ многихъ весьма жаркихъ поклонниковъ въ средѣ даже научно-образованныхъ людей, которые приготовлены были къ принятію спиритскихъ идей возродившимися въ сороковыхъ годахъ теоріями Месмера и Пюисегюра, новыми открытіями въ области животнаго электричества и т. п. Смѣлость замысла, простота и общедоступность основной идеи, наглядность и доходящая до наивности простота рѣшенія многихъ *quaestiones vexatae* науки и жизни. наконецъ смѣлая, проникнутая энтузіазмомъ пропаганда новаго ученія, — все это открыло ему доступъ въ Америкѣ во все слои общества, на континентѣ Европы, главнымъ образомъ, въ неотличающійся прочностію и глубиною научнаго образованія высшій классъ и полуобразованные слои средняго класса. — Въ виду быстрыхъ успѣховъ спиритизма, который скоро началъ считать своихъ послѣдователей милліонами и даже десятками милліоновъ, организованныхъ въ особое общество, въ особую „церковь“, съ самыхъ первыхъ моментовъ явленія его начался рядъ критическихъ замѣтокъ, лекцій, статей и изслѣдованій о немъ со стороны людей, стоявшихъ внѣ вліянія спиритскихъ идей. Но все это было писано въ самый разгаръ спиритскаго движенія, когда спиритизмъ былъ еще въ процессѣ своего образованія, не успѣлъ еще выказаться окончательно и выясниться всесторонне, когда слѣдовательно еще нельзя было установить общей широкой точки зрѣнія на него. Вслѣдствіе этого вся, довольно обширная, противоспиритская литература отличается съ одной стороны преобладаніемъ діалектической полеми-

ки, часто весьма мелочной, съ другой—односторонностию и презрительностию отношенія къ спиритизму, взглядомъ на него свысока. Ни одно изъ произведеній этой литературы не объимаетъ спиритизма какъ историческаго явленія, во всей его цѣлости, въ жизненной, органической связи со всею умственно-религіозною жизнью современнаго общества; ни одно не указываетъ всѣхъ тѣхъ вліяній, подъ которыми явился спиритизмъ, и тѣхъ историческихъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась его оригинальная и любопытная доктрина; ни одно потому не приносить надъ нимъ строгаго научнаго суда, не показываетъ его истиннаго жизненнаго смысла, его значенія и мѣста въ исторіи. Въ настоящее время спиритское движеніе замѣтно и быстро ослабѣваетъ въ Европѣ и должно еще болѣе ослабѣть послѣ смерти главнаго своего представителя и, можно сказать, главнаго творца всей системы Ривайля, получившаго громкую извѣстность подъ псевдонимомъ Аллана Кардека ('). Теперь спиритизмъ успѣлъ уже вполне сформироваться, высказаться опредѣленно и ясно во всѣхъ своихъ частяхъ и падаетъ вслѣдствіе своей очевидной внутренней несостоятельности и вслѣдствіе разочарованія, причиненнаго тѣмъ людямъ, которые ожидали отъ него чего-то совершенно новаго и необычайнаго. Въ самомъ дѣлѣ, духи не сказали и не открыли ничего такого, чтѣ и безъ нихъ не было бы извѣстно и выдуманно живыми людьми, и для всякаго, сколько-нибудь безпристрастнаго, изслѣдователя теперь до очевидности ясно, что спиритизмъ есть просто патологическое явленіе умственно-религіозной жизни новаго времени, явленіе сложившееся подъ большимъ количествомъ разнообразныхъ отрицательныхъ и положительныхъ вліяній, изъ различныхъ, даже противоположныхъ и взаимно исключających другъ друга элементовъ,—изъ остатковъ деизма эпохи просвѣщенія и масонства, изъ новѣйшаго религіознаго рационализма,

(') Кардекъ умеръ въ 1869 году.

отрицающаго всецѣло христіанскую догматику, изъ матеріалистическо-гегеліанской теоріи постепеннаго развитія всего—въ тѣсной связи съ сведенборгіанствомъ, вѣмецкою мистикою и особенно месмеризмомъ. Такимъ образомъ, спиритизмъ есть чисто синкретическая метафизическая теорія, не заключающая въ себѣ ничего ни новаго, ни научнаго, есть мистическая философія нашего времени, отражающая въ себѣ всѣ основныя характеристическія ея тенденціи, философія созданная по поводу также весьма характеристическому, носящему печать новаго времени и ея эмпирическаго направленія, — словомъ сказать, спиритизмъ—это мистика XIX вѣка, мистика, поддѣлывающаяся подъ характеръ эмпирической науки, созданіемъ которой этотъ вѣкъ гордится и на которую хочетъ возложить все свое упованіе. — Становясь на эту точку зрѣнія, мы считаемъ нелишнимъ новое изслѣдованіе о спиритизмѣ въ нашей литературѣ ('). Цѣлю его будетъ—показать отношеніе спиритизма, какъ новѣйшей формы мистики, ко всѣмъ другимъ историческимъ явленіямъ этого рода, уяснить причины, давшія такой своеобразный характеръ и видъ этой мистикѣ, разложить всю спиритскую доктрину на ея составные элементы и показать научную несостоятельность какъ ея основъ,

(') Въ свѣтской русской литературѣ доселѣ явился только вѣскольکو фельетонныхъ замѣтокъ о спиритизмѣ, начинался статьи «Отечест. записокъ» 1863 г. (11 и 12 книги) и конча фельетонами «Вечерней газеты» и «Биржевыхъ вѣдомостей» з. 1869 г. Духовная литература несравненно богаче и серьезнѣе. Здѣсь существуетъ довольно обширное наслѣдованіе въ «Христіанскомъ чтеніи» 1866 г.: «Спиритизмъ и спириты» (іюль, сентябрь и ноябрь); далѣе статья въ «Духовномъ вѣстникѣ» (іюль 1865), спеціально трактующая о метемсихозисѣ спиритскомъ подъ аглавіемъ: «Спиритизмъ и спиритуанизмъ»; наконецъ небольшія статьи: въ прибавленіяхъ къ «Твор. св. отцевъ» 1862 г. ч. 21, стр. 615, въ «Духовной бесѣдѣ» 1863 г. № 15, 1865 г. №№ 7, 1, и др. Сюда нужно отнести цѣлый рядъ замѣтокъ въ «Домашней бесѣдѣ» — 1861 г. №№ 11 — 13, 1865 г. № 15, 1866 г. № 21, 22, 1867 г. № 31.

такъ и всѣхъ частныхъ положеній. Такой историко-критическій анализъ, какъ показываетъ опытъ, лучше всякой полемики можетъ поколебать ложную доктрину и выставить ее въ истинномъ свѣтѣ, наглядно показать все ея ничтожество, пустоту и безсодержательность. И попытка въ этомъ родѣ относительно спиритизма, во всякомъ случаѣ, стоитъ труда. Спиритизмъ правда ослабѣлъ теперь, но не умеръ и, можетъ быть, дастъ снова и весьма сильно почувствовать свое существованіе, особенно у насъ, гдѣ онъ доселѣ не сдѣлалъ еще серьезной попытки привиться и пустить корни. Явившись въ Россіи въ одно почти время съ явленіемъ во Франціи и Германіи, онъ доселѣ былъ достояніемъ аристократіи, члены которой, путешествуя по западной Европѣ отъ нечего дѣлать, приносятъ домой всякія диковинки ⁽¹⁾. Насколько можно судить по темнымъ и стрывочнымъ свѣдѣніямъ, спиритизмъ имѣетъ въ этомъ кругу довольно большое количество представителей, которые стараются распространить спиритскія сомненія на русскомъ языкѣ ⁽²⁾ и приобрести даже постоянный литературный органъ; но пропаганда ихъ имѣетъ въ виду доселѣ только образованные классы. Нѣтъ сомнѣнія, что такъ или иначе, рано или поздно, она перейдетъ въ народъ и можетъ повести къ созданію новыхъ мистическихъ сектъ не только въ средѣ раскольниковъ, но и въ средѣ православныхъ.

(1) Въ французскихъ спиритскихъ произведеніяхъ весьма нерѣдкострѣчаются имена нашихъ соотечественниковъ въ качествѣ свидѣтелей излагаемыхъ чудесныхъ фактовъ духо-сообщеній. Нпр. въ куріозномъ произведеніи барона De Güldenstubbé—*écrits directes des esprits* встрѣчаются M. le prince Leonide Galitzin d' Mosquou, M. le prince Metschersky, M. le colonel Touthcheff. Intro. p. XV.

(2) У насъ есть русскій переводъ, сдѣланный въ Парижѣ, сочиненія Кардека *Le Spiritisme dans sa plus simple expression*. Здѣсь въ скоромъ времени обѣщается изданіе на русскомъ языкѣ всѣхъ сочиненій Кардека.

I.

Спиритизмъ—не одиночное явленіе въ исторіи: онъ есть только новая форма общаго факта, составляющаго одинъ изъ главныхъ элементовъ умственной жизни человѣчества, и повторяющагося такъ или иначе, но необходимо—во всѣ рѣшительно эпохи его развитія, — факта постоянно присущаго въ исторіи. Этотъ фактъ есть цѣлое направленіе умственной жизни, ея полюсъ, противоположный другому полюсу, другому направленію, другой половинѣ, обозначаемой общимъ именемъ рационализма. Это, такъ называемый, *мистицизмъ*. Основная характеристическая черта мистицизма есть не только глубокая непоколебимая увѣренность въ бытіи сверхчувственного и потому таинственнаго міра, но также сознаніе, чувство непосредственной связи съ этимъ міромъ, его постояннаго вліянія на человѣческую жизнь и стремленіе войти въ осязательное общеніе съ этимъ таинственнымъ міромъ. Рационализмъ, напротивъ, есть всегда, въ большей или меньшей мѣрѣ, отрицаніе сверхчувственного и характеризуется отвращеніемъ отъ всего непоятнаго, сокровеннаго и таинственнаго. Тотъ и другой—мистицизмъ и рационализмъ имѣютъ глубокое основаніе въ самой природѣ человѣка, и потому-то такъ постоянно являются основными направленіями его интеллектуальной жизни. Человѣкъ съ одной стороны чувствуетъ и сознаетъ себя существомъ въ высшей степени слабымъ и ограниченнымъ. Охваченный и увлекаемый могучимъ потокомъ міровой жизни, онъ видитъ себя во власти всемогущей силы, распоряжающейся его жизнію и судьбою, и въ той или другой формѣ всегда *необходимо* признаетъ бытіе недостижимаго Творца и Промыслителя вселенной. Далѣе, сознавая себя ограниченнымъ, онъ видитъ въ себѣ существо особенное, исключительное среди чувственнаго міра, сознаетъ непосредственно свою высшую природу, чувствуетъ въ себѣ присутствіе высшаго начала, начала не отъ міра сего; и это непосредственное знаніе,

неопровержимое никакими силлогизмами, служить основаніемъ его увѣренности, что за предѣлами доступнаго его грубымъ чувствамъ міра находится другой высшій міръ, который вліяетъ на его жизнь, но ускользаетъ отъ непосредственнаго воспріятія. И вотъ человѣкъ стремится въ недосягаемую глубину основы всего сущаго, пытается слиться съ всеобщою жизнію въ самомъ ея источникѣ и стать сильнымъ его силою; онъ стремится проникнуть въ таинственный міръ духовъ, принять участіе непосредственное въ высшемъ бытіи, перейти при жизни въ свою родную область, въ свое отечество. Человѣкъ всегда и на всѣхъ ступеняхъ своего развитія—мистикъ во глубинѣ души, мистикъ по самой своей природѣ. Съ другой стороны, пользуясь своимъ разумомъ, человѣкъ постепенно разоблачаетъ въ небольшой доступной ему области одну тайну за другою. По мѣрѣ успѣха въ этомъ направленіи, естественно, область мистическаго, таинственнаго суживается или вѣрнѣе отодвигается все дальше и глубже за предѣлы постижимаго и доступнаго разуму. Постепенно для разума человѣческаго получается въ окружающемъ мірѣ область, гдѣ нѣтъ чудесъ, нѣтъ непосредственнаго вмѣшательства Существа всемогущаго и міра духовнаго, гдѣ все совершается дѣйствіемъ безличныхъ силъ природы, доступныхъ человѣку посредственно или непосредственно. Сознаніе успѣха въ этомъ, сознаніе своей силы и власти надъ окружающимъ міромъ возбуждаетъ въ человѣкѣ гордость и самомнѣніе. Забывая безконечную область непознаннаго и непознаваемаго для него, не обращая вниманія на массу даже естественныхъ силъ, которыхъ не понять и не побѣдить ему никогда, человѣкъ восторгается своими относительно ничтожными успѣхами, видитъ только ихъ одни и мало помалу переходитъ къ иллюзіи, что для его разума нѣтъ ничего тайнаго въ мірѣ, что то, чего онъ не понимаетъ и не воспринимаетъ чувствами, не существуетъ вовсе. Такимъ образомъ можно сказать, что человѣкъ—раціоналистъ по своей природѣ,

съ тѣмъ только ограниченіемъ, что вѣра во всемогущество разума, въ несуществованіе тайнъ и чудесъ въ мірѣ есть иллюзія, которая легко можетъ быть уничтожена, если только человѣкъ захочетъ. Онъ всегда можетъ увидѣть и понять, что какъ ни широко и глубоко его знаніе обнимаетъ вселенную, всегда остаются одинаково непонятными, непостижимыми, таинственными для него самыя послѣднія начала и основы міровой и его собственной жизни; тогда какъ мистическое воззрѣніе въ своей основѣ никогда не можетъ быть подорвано. Никогда съ очевидностію нельзя будетъ доказать, что нѣтъ ничего сверхъчужденнаго, — *никогда*, уже потому, что для этого нужно всевѣдѣніе, нужно разрушеніе предѣловъ ограниченности: словомъ, нужно перестать быть человѣкомъ, чтобъ доказать это. Между тѣмъ доказать, что „есть много на свѣтѣ такого, что и не снилось нашимъ мудрецамъ“, весьма легко всякому непредубѣжденному и признающему законы логики не на словахъ только. Мистическое направленіе, понимаемое въ широкомъ смыслѣ, есть такимъ образомъ первоначальное, основное, непоколебимое и неуничтожимое направленіе познающаго духа человѣческаго. Рационализмъ есть напротивъ, такъ сказать, производное, вторичное направленіе, непрочное и временное по своей природѣ. Но имѣя также основаніе въ природѣ человѣка, въ свойствахъ его ограниченнаго и испорченнаго разума, онъ тоже неистребимъ окончательно и, разъ явившись, составитъ всегда въ семъ мірѣ часть содержанія умственной жизни человѣчества (1). Законное, единственно истинное и вполнѣ достаточное въ условіяхъ земной жизни удовлетвореніе перваго—мистическаго направленія и стремленія духа человѣческаго есть откровенная религія—откровеніе, въ которомъ самъ Виновникъ всего сущаго низходитъ

(1) Это соображеніе подтверждается и словомъ Божиимъ, которое говоритъ, что въ свое второе пришествіе Сынъ Божій едва обратитъ вѣру на землѣ.

къ челоуѣку и поднимаетъ часть завѣсы, скрывающей отъ него безконечное и вѣчное, обѣщая въ будущей, новой, совершеннѣйшей формѣ бытія полное откровеніе. Законное, тоже вполне достаточное удовлетвореніе втораго — рационалистическаго направленія есть эмпирическая наука, эмпирическая въ собственномъ смыслѣ, вращающаяся въ предѣлахъ положенныхъ природою уму челоуѣческому, основывающая свои выводы только на фактахъ и фактахъ абсолютно несомнѣнныхъ. — наука даже и не пытающаяся рѣшать такіе вопросы, для рѣшенія которыхъ нѣтъ у ней достаточнаго количества, или даже вовсе нѣтъ — средствъ. Въ силу этого, цѣлостное разумное міросозерцаніе всегда должно быть органическимъ единствомъ обоихъ направленій въ законныхъ предѣлахъ того и другаго, должно объединять въ себѣ непознаваемое и познаваемое, безконечное и конечное, временное и вѣчное, таинственное и понятное, должно быть единствомъ положительнаго знанія и вѣры, единствомъ эмпирической науки и откровенной религіи. Великая проблема этого единства есть задача философіи, и только философія, въ той или другой мѣрѣ осуществляющая это единство, есть истинная философія и заслуживаетъ свое названіе. Въ жизни отдѣльныхъ личностей это равновѣсіе двухъ направленій, двухъ естественныхъ, но диаметрально противоположныхъ стремленій челоуѣческаго духа, осуществляется весьма нерѣдко, съ большимъ или меньшимъ совершенствомъ. Но въ общемъ развитіи, въ общей совокупности интеллектуальной жизни челоуѣчества оно остается вѣчною проблемою, и потому эта жизнь цѣликомъ слагается изъ борьбы мистическихъ и рационалистическихъ тенденцій, при чемъ мистицизмъ и рационализмъ постоянно преступаютъ положенные имъ предѣлы, развиваются или совершенно внѣ ихъ (т. е. мистицизмъ — внѣ откровенія, рационализмъ — внѣ опыта), или сознательно разрываютъ эти предѣлы и теряютъ всякую почву. Далѣе, расходясь при этомъ въ диаметрально противоположныя стороны,

въ крайнемъ своемъ развитіи, какъ всякія крайности, они обыкновенно сходятся, приходятъ къ однимъ въ сущности выводамъ, — къ признанію безграничнаго могущества человека. Начиная вѣрою въ сверхчувственное, признаніемъ его превосходства надъ чувственнымъ и постижимымъ, умъ человѣческой видитъ чудеса въ самыхъ простыхъ и обыденныхъ явленіяхъ, всюду видитъ глаголы духа и его дѣятельность, и проникается безотчетнымъ, подавляющимъ страхомъ къ природѣ, старается всюду и всѣми способами угадать волю этихъ таинственныхъ дѣятелей. Но мало помалу является сознаніе власти надъ ними, претензія подчинять себѣ ихъ волю, заставляя дѣйствовать по своему произволу; на высшей ступени наконецъ является сознаніе тождества человѣческой личности съ Божествомъ и сознаніе какого-то всемогущества. Тогда для мистика исчезаютъ всѣ тайны. Онъ воображаетъ, что все видитъ, все знаетъ, все можетъ произвести (индійскіе святыя, Будда, Аполлонъ тѣанскій, Плотинъ и др.). Рационализмъ приходитъ очевидно къ тому же выводу, только въ другой совершенно формѣ: онъ приходитъ къ признанію міра чистымъ и весьма простымъ въ сущности механизмомъ, преклоняется предъ разумомъ человѣческимъ, какъ высшимъ и совершеннѣйшимъ механизмомъ, который можетъ овладѣть механизмомъ вселенной и производить чудеса безъ всякой помощи какихъ-либо высшихъ силъ, кромѣ механическихъ и другихъ силъ природы. Но на высшей степени развитія того и другаго неизбежно и всегда начинается разочарованіе и упадокъ. Мистицизмъ, дошедши до очевиднаго абсурда, начинаетъ возбуждать вмѣсто благоговѣнія невѣріе и кощунство; рационализмъ, ставши лицомъ къ лицу съ невозможнымъ для ума человѣческаго, превращается въ крайній скептицизмъ, въ ученіе о полномъ безсиліи разума человѣческаго познать что-нибудь въ мірѣ. На этомъ доведеніи *ad absurdum* основывается поразительно быстрый переходъ, какъ частныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ поколѣній, отъ са-

наго крайняго мистицизма къ самому крайнему рационализму, отъ вѣры во все къ отрицанію всего, и наоборотъ, также—тотъ общій законъ, по которому за сильнымъ развитіемъ рационализма въ данный періодъ времени всегда слѣдуетъ быстрое развитіе мистицизма, какъ и за сильнымъ развитіемъ мистицизма слѣдуетъ усиленіе рационализма. Эта сила, бросающаяся въ глаза всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіею умственной жизни человѣчества, есть выраженіе преобладанія одного направленія надъ другимъ. Иногда насильственнаго подавленія одного другимъ. Но никогда съ усиленіемъ, даже полнымъ господствомъ одного не исчезаетъ совершенно другое. Рационализмъ и мистицизмъ одинаково всегда присущи въ умственной жизни какъ пѣлаго человѣчества, такъ и всякаго человѣческаго общества, только въ безконечно разнообразныхъ, иногда неуловимыхъ для наблюдателя формахъ.

Дѣйствительно, мистицизмъ, какъ и противоположное направленіе, является исторически въ безчисленномъ множествѣ различныхъ формъ. Каждая эпоха умственнаго развитія имѣетъ свою мистику, каждая по-своему стремится проникнуть въ міръ сверхчувственный, войти съ нимъ въ непосредственное сношеніе, каждая представляетъ этотъ сверхчувственный таинственный міръ по-своему. Общечеловѣческія, общія видоизмѣненія, коренящіяся во всемъ строѣ умственной жизни человѣчества, видоизмѣняются еще у каждаго народа, сообразно съ его характеромъ, особенностями его міросозерцанія и условій его жизни. Но есть нѣсколько основныхъ типовъ, подъ которыя подводятся все разнообразіе частныхъ проявленій мистики въ разное время у различныхъ народовъ и племенъ, типовъ, которые притомъ всегда находятся въ суммѣ направленій духовной жизни всякаго даннаго историческаго періода.

Ближайшее, если не въ своемъ существѣ, то въ своихъ проявленіяхъ доступное человѣку существо ми-

ра духовнаго, существо сверхчувственное, таинственное есть душа человѣка. Убѣжденіе въ ея субстанціальномъ, особомъ и независимомъ отъ тѣла бытіи, продолжающемся и по смерти тѣла, одно изъ самыхъ первыхъ приобрѣтеній умственной жизни человѣка, которое ложится въ основу его развитія. Оно получается не какъ выводъ, а скорѣе какъ непосредственное созерцаніе, какъ ничѣмъ непобѣдимое чувство, какъ принужденіе, подобное тому, въ силу котораго человѣкъ признаетъ, на основаніи своихъ субъективныхъ по своей природѣ состояній, бытіе внѣ его находящагося, объективнаго міра. Потому-то эта истина принадлежитъ къ разряду тѣхъ первоначальныхъ, неразложимыхъ, такъ называемыхъ непосредственныхъ истинъ, которыя лежатъ въ основѣ всякаго человѣческаго знанія и служатъ основой всякаго доказательства. Съ этого пункта, съ этого убѣжденія и начинается первоначальное развитіе мистики у народовъ не руководимыхъ свѣтомъ откровенія. Вся природа представляется человѣку дѣятельностію подобныхъ его душъ существъ, разумныхъ, мыслящихъ, свободныхъ. Къ этимъ существамъ, не имѣющимъ первоначально опредѣленнаго образа и очертанія, присоединяются души умершихъ людей. Они представляются обитающими около людей живущихъ, вмѣшивающимися въ ихъ жизнь и дѣятельность, заботящимися о нихъ и помогающими имъ или причиняющими имъ вредъ. Отсюда весьма рано въ жизни человѣчества развивается почитаніе умершихъ, особенно предковъ и переходитъ въ религіозный культъ, составляющій основу большей части, если не всѣхъ, языческихъ религій. Это таинственное общеніе съ міромъ невидимыхъ душъ умершихъ людей, поддерживаемое явленіями ихъ во снѣ, подъ вліяніемъ чисто естественныхъ причинъ, объяснимыхъ по общимъ законамъ сновидѣній, вслѣдствіе иллюзій или въ припадкахъ болѣзненныхъ галлюцинацій, есть первоначальная форма мистицизма. Она служитъ доселѣ основой множества народныхъ суевѣрій и можетъ

быть названа *мистицизмом антропологическимъ*. Очевидно, въ основѣ его лежитъ дѣйствительный фактъ безсмертія человѣческой души, искаженный и искажаемый произвольными фантастическими и невѣжественными толкованіями и объясненіями. Въ тѣсной связи, по своему происхожденію и характеру, стоитъ съ антропологическимъ мистицизмомъ мистицизмъ *демонологическій*. Души умершихъ людей постепенно переходятъ въ представленіи непросвѣщенныхъ откровеніемъ народовъ въ стихійныхъ духовъ, заправляющихъ физическими явленіями, и составляютъ изъ себя воображаемый высшій міръ, чѣмъ міръ душъ человѣческихъ, названный у грековъ демоническимъ ⁽¹⁾. Въ дальнѣйшемъ развитіи стихійные духи превращаются въ геніевъ, которые принимаютъ участіе въ жизни человечества и заправляютъ нравственными явленіями. Съ тѣмъ вмѣстѣ демоническій міръ раздѣляется на два отдѣла — на міръ добрыхъ нравственныхъ и міръ злыхъ безнравственныхъ духовъ, геніевъ добра и геніевъ зла. Тѣхъ и другихъ язычннкъ одинаково почитаютъ существами божественными, тѣмъ и другимъ молятся и приносятъ жертвы. Съ точки зрѣнія демонологическаго мистицизма вся жизнь природы представляется дѣятельностію добрыхъ или злыхъ духовъ и ихъ взаимною борьбою; самъ человѣкъ представляется какою-то игрушкою ихъ, добычей, изъ за которой постоянно борются геніи добра и зла. Потребность знать волю своихъ умершихъ предковъ и за тѣмъ волю геніевъ добра и зла рано вызвала искусство входить съ ними въ непосредственное общеніе, вызывать ихъ и бесѣдовать съ ними. Оно сдѣлалось частію культа и главнымъ его содержаніемъ. Мало помалу искусство это стало мыслиться какъ неотразимая власть нѣкоторыхъ людей надъ міромъ духовнымъ и превратилось

(1) О такомъ переходѣ языческой психологіи въ демонологию особенно ясно свидѣтельствуетъ китайская народная религія, по которой душа человѣка переходитъ въ стихійное существо.

въ *некромантію* ⁽¹⁾ (или психомантію) и *магію* ⁽²⁾. Мистицизмъ демонологическій, какъ антропологическій, вмѣстѣ въ своей основѣ тоже несомнѣнный фактъ, тоже весьма рано познаваемый, хотя смутно и неопредѣленно, человѣкомъ, — именно фактъ бытія высшаго, посредствующаго между Богомъ и міромъ чувственнымъ, міра высшихъ духовъ. Когда, подѣ влияніемъ откровенія, истина и самая природа духовъ объяснились, и смутныя фантазіи язычниковъ превратились въ ясное ученіе объ ангелахъ и демонахъ; стало яснымъ, что посредствомъ какихъ-либо искусственныхъ средствъ, безъ высокой нравственности, влияніе на добрыхъ духовъ невозможно, а власть надъ ними и совершенно немыслима. Власть эта въ эпоху явленія христіанства перенесена была исключительно на демоновъ и магія изъ богослужебнаго дѣйствія превратилась въ величайшее преступленіе, — стала черною магіею, волшебствомъ. Въ этой формѣ она сохранилась дониндѣ, сопровождаясь какъ и прежде шарлатанствомъ и обманомъ, и служитъ доселѣ выраженіемъ того, что мы называли мистицизмомъ демонологическимъ. Наконецъ третья типическая форма мистицизма есть мистицизмъ теологическій или *теософія*. Онъ является уже на высшихъ ступеняхъ развитія и развивается постепенно и нечувствительно изъ всегда присущей человѣку,

(1) У грековъ, по свидѣтельству Плавзанія, были особыя святилища для вызыванія душъ умершихъ — некіомантіоны или психомантіоны. Вызыватели носили названіе психагоговъ. De sciences occultes. 207 p.

(2) Родиною магіи почитается Персія и основою дуалистическая религія Зороастра, гдѣ играютъ главную роль посредствующіе добрые и злые духи. Это вѣрно только въ томъ отношеніи, что это тайное искусство развилось здѣсь, благодаря особому характеру религіознаго міросозерцанія, съ особенною силою и имѣло особенно сильное влияніе на послѣдующее состояніе магіи въ Европѣ. См. De sciences occultes, par E. Salverte. Paris, 1856.

при всѣхъ крайностяхъ антропологическаго и космо-ческо-демоническаго политеизма, идеи единой основы и причины всего сущаго, единаго Бога. Не будучи въ состояніи безъ помощи откровенія мыслить безконечную, всеобъемлющую и всенаполняющую, но въ тоже время отличную и отдѣльную отъ міра личность, человекъ начинаетъ мыслить Бога какою-то необъятною, недосыгаемою, все объемлющею въ себѣ и все изъ себя, изъ своего существа производящею бездною, безличною, изъ которой все выходитъ и въ которую все возвращается. За этимъ естественно является мысль о тожествѣ человеческой природы съ божественною и стремленіе соединиться съ Божествомъ посредствомъ созерцанія и т. п. Если мистики антропологическаго направленія бесѣдуютъ съ покойниками, видятъ ихъ загробное жилище и стремятся другихъ сдѣлать способными къ этому, если мистики направленія демонологическаго видятъ злыхъ духовъ, бесѣдуютъ съ ними и повѣлываютъ ими, то мистики теософы хвалятся обыкновенно созерцаніемъ самого Бога лицомъ къ лицу. Мистицизмъ антропологическій и демонологическій сами по себѣ не связываются необходимо съ теософіею и пантеизмомъ, и могутъ существовать независимо отъ нихъ; но теософія всегда почти вмѣщаетъ въ себѣ и всѣ остальные формы мистицизма, и духовидѣніе вмѣстѣ съ боговидѣніемъ всегда почти составляетъ качество мистика теософа. Какъ первыя двѣ формы мистицизма выражаются въ особаго рода практикѣ, внимомъ вліяніи на міръ духовный, выражаются некромантіею и магіею, такъ и теософія имѣетъ свою мистическую практику, которая обыкновенно называется *теургіею*. Теургія состоитъ въ совершеніи всякихъ чудесныхъ дѣйствій, пророчествъ и вызываній духовъ не дѣйствіемъ какихъ-либо второстепенныхъ служебныхъ силъ, а силою самого Божества, съ которымъ теургъ мыслитъ себя единымъ и нераздѣльнымъ.

Какъ первоначальная и основная форма міросозерцанія, мистицизмъ не только преобладаетъ, но без-

условно господствуетъ въ первыя эпохи развитія чело-
вѣка, когда сумма его положительныхъ реальныхъ
знаній объ окружающемъ его мѣрѣ весьма незначи-
тельна, едва достаточна для удовлетворенія самыхъ па-
сущныхъ потребностей жизни. Онъ господствуетъ въ
древнемъ мѣрѣ и доводится до крайности даже у на-
рода озареннаго свѣтомъ божественнаго откровенія.
Незнание законовъ самыхъ простыхъ явленій природы
и преобладаніе вслѣдствіе этого фантазіи надъ мыслию
заставляетъ постоянно народъ Божій разрывать и раз-
ширять предѣлы таинственнаго даннаго въ откровеніи и
погружаться въ крайній мистицизмъ языческаго суевѣ-
рія. Но очень рано возникаетъ и раціонализмъ, и въ си-
лу указаннаго закона на первыхъ же порахъ является
съ тѣмъ большею крайностію и радикальнію, чѣмъ
силнѣе и нелѣпнѣе былъ самый мистицизмъ: онъ яв-
ляется прямо въ формѣ самаго грубаго матеріализма и
атеизма. Уже во времена Давида и Соломона находятся
представители этого отрицательнаго направленія (Еккл.
3, 19). Есть также слѣды его изъ весьма глубокой
древности у всѣхъ древнихъ народовъ востока, осо-
бенно у индійцевъ, которые въ интеллектуальномъ раз-
витіи далеко опередили всѣ другіе народы востока.
На западѣ, въ Греціи раціонализмъ и отрицаніе явля-
ются съ самымъ началомъ философіи и, начавшись іо-
нійскимъ матеріализмомъ, постепенно развиваются до
чисто механическаго воззрѣнія на вселенную у Демок-
рита и за тѣмъ переходятъ въ софистическій сенсуа-
лизмъ и скептицизмъ. Напрасно Сократъ и особенно
великій ученикъ его Платонъ стараются ввести мисти-
ческій элементъ въ философію въ разумныхъ предѣ-
лахъ, освободивъ его отъ всего нелѣпаго и неоснова-
тельнаго. Система Платона имѣла огромное вліяніе
впослѣдствіи, потому что въ ней въ первый разъ въ
древнемъ мѣрѣ явилась идея истинной философіи, стре-
мящейся объединить въ себѣ основанія и главныя
направленія челоувѣческаго духа, пытавшейся дать пол-
ное и всестороннее удовлетвореніе всей природѣ че-

ловѣка и въ силу этого обаятельно дѣйствующая доселѣ на умы широкіе и цѣлостно развитыя натуры: Но она не въ силахъ была подавить дальнѣйшее развитіе раціонализма. Равновѣсіе мистическаго и раціоналистическаго нарушается уже у Аристотеля. Изумительная масса эмпирическихъ свѣдѣній, рѣдкая, почти безпримѣрная сила аналитической дѣятельности ума этого мыслителя заставляютъ его игнорировать мистическій элементъ и приводить въ концѣ концовъ, если не къ матеріализму, то къ довольно бѣдной формѣ деизма. Послѣ него развитіе раціонализма возрастаетъ съ необыкновенною силою. Его ученики приходятъ прямо къ матеріализму, который и овладѣваетъ на нѣкоторое время всею умственною жизнію, въ формѣ какъ эпикуреизма, такъ можно сказать и стоицизма, сопровождаемый скептицизмомъ въ самой крайней формѣ (пирронизмъ). Не только переполненная мистицизмомъ народная религія, но и все таинственное подвергается насмѣшкѣ и изгоняется изъ міросозерцанія. Но съ тѣмъ вмѣстѣ начинается, передъ временемъ пришествія Спасителя, реакція. Подавленные, осмѣянные, втоптаннныя въ грязь высшія стремленія человѣческаго духа, въ виду раціоналистическаго пустословія, воскресаютъ во всей силѣ и величіи и возникаетъ первая коллизія мистицизма съ раціонализмомъ, при чемъ мистицизмъ быстро достигаетъ крайняго предѣла. Прежде всего возникаетъ симпатія къ платонизму, пифагореизму и восточнымъ мистическимъ міровоззрѣніямъ и изъ смѣшенія ихъ возникаетъ съ одной стороны неоплатонизмъ съ его экстазомъ, боговидѣніемъ и демонологіею, за тѣмъ неопифагореизмъ съ его чудесами и теургіею. Духовидцы и маги занимаютъ мѣсто философовъ и привлекаютъ къ себѣ всѣхъ и cadaго. Съ другой стороны, подъ непосредственнымъ вліяніемъ уже христіанства развивается такъ называемый гностицизмъ съ его міромъ эоновъ и плиромою, съ царствомъ свѣта и тьмы, съ его психиками и пневматиками, гностицизмъ превратившій всю жизнь вселенной въ какую-то фанта-

стическую сказку. Христіанская религія, спасая и обновляя человѣка, какъ откровенное уповаемыхъ извѣщеніе и вешей обличеніе невидимыхъ, даетъ человѣку полное удовлетвореніе интеллектуальныхъ стремленій его къ таинственному и въ тоже время полагасть строго опредѣленный предѣлъ мистицизму. Она открываетъ, насколько это возможно и необходимо человѣку, тайну существа Божія, отношеніе человѣка къ Богу, таинственное общеніе съ Нимъ въ воплотившемся Сынѣ Божіемъ и постоянную связь посредствомъ благодати Духа Святаго. Она даетъ достаточное понятіе о загробномъ бытіи и будущей судьбѣ человѣка, указываетъ ему средство общенія съ міромъ усопшихъ въ молитвѣ и съ міромъ высшихъ духовъ въ высоко-нравственной, святой жизни. Но внѣ этихъ предѣловъ она не стѣсняетъ разума человѣческаго, она предоставляетъ ему все, что не выше его, т. е. научное познаніе объ окружающемъ его мірѣ и соединеніе всего приобрѣтеннаго въ одно нераздѣльное и живое цѣлое съ истинами и тайнами вѣры. Такъ какъ истина христіанская—истина откровенная, данная, а не приобрѣтенная, всегда неизмѣнна и едина, между тѣмъ какъ наука есть нѣчто постоянно находящееся въ процессѣ образованія и совершенствованія: то эта послѣдняя, объединяющая истины рациональныя и таинственныя истины вѣры дѣятельность разума должна быть постояннымъ прогрессивнымъ процессомъ, должна быть своею особенною для каждаго времени, для каждой эпохи, въ которую получается значительное приращеніе эмпирическихъ знаній, измѣняющее многія эмпирическія воззрѣнія. Каждая эпоха христіанскаго міра должна необходимо имѣть свое христіанско-научное, откровенно-философское міровоззрѣніе, свою христіанскую философію, созданіе которой должно быть послѣднею цѣлію и завершеніемъ умственной дѣятельности каждой эпохи. При этомъ очевидно таинственное, мистическое, данное уже, какъ откровеніе, должно оставаться всегда неизмѣннымъ и давать неподвижную точку

опоры и связь всѣмъ приобрѣтеніямъ разума. Мистическое слѣдовательно не должно и не можетъ развиваться и совершенствоваться въ своемъ содержаніи, и опытъ многихъ вѣковъ дѣйствительно показалъ, что разумъ человѣческій ничего болѣе или лучше не можетъ приобрѣсти въ этой области, чѣмъ то, что дано въ христіанскомъ откровеніи. Всего лучше и совершеннѣе произведенъ былъ этотъ процессъ сліянія вѣры и знанія христіанскими философами первыхъ вѣковъ—отцами и учителями Церкви. Они объединили всю сумму современныхъ имъ знаній раціональныхъ и поставили ихъ въ гармонію съ истинами вѣры, принимая за истину только то, что несомнѣнно дано въ откровеніи, и въ человѣческомъ знаніи—то, что не противорѣчило откровенной истинѣ. Эта послѣдняя часть ихъ построенія была временною, по самой сущности дѣла, и страдаетъ недостатками, ошибками и ложными представленіями, свойственными наукѣ того времени; но цѣлое тѣмъ не менѣе—съ формальной стороны представляетъ образецъ истинной философіи. Но рядомъ и въ одно время съ этимъ сліяніемъ божественнаго и человѣческаго, таинственнаго и раціональнаго развиваются и въ христіанскомъ мірѣ крайности. Съ одной стороны, разумъ пытается совершенно овладѣть таинственными истинами вѣры, свести ихъ въ разрядъ понятныхъ истинъ, и этимъ стремленіемъ производится то явленіе, которое можно назвать христіанскимъ религіознымъ раціонализмомъ. Изъ него порождаются ереси въ родѣ арианства, несторіанства и т. п. Съ другой стороны, является стремленіе раздвинуть данные въ откровеніи предѣлы мистическаго, проникнуть дальше и глубже въ міръ таинственнаго и недостижимаго, и отсюда проистекаетъ явленіе извѣстное подъ именемъ христіанской мистики. Не довольствуясь общеніемъ съ Богомъ посредствомъ таинствъ, молитвы и пр., люди хотятъ осязательнаго, видимаго общенія, постояннаго, очевиднаго и чудеснаго изліянія даровъ Духа Божія. Это незаконное желаніе порождаетъ ложныхъ

пророковъ, ложныя откровенія и служить источникомъ множества мистическихъ ересей древнихъ и новыхъ. Послѣ VIII вѣка въ Церкви восточной православной было, какъ извѣстно, только весьма небольшое количество случаевъ мистическаго и рационалистическаго уклоненія въ крайности; но исторія западной церкви полна этими уклоненіями. Послѣ своего отдѣленія отъ восточной, западная церковь никогда не была въ состояніи въ своемъ ученіи уравновѣсить мистическій и рационалистическій элементы. Она всегда старалась прежде всего дѣйствовать на чувства и фантазію вѣрующихъ и покровительствовала самой крайней и суевѣрной вѣрѣ въ чудесное; съ другой стороны она отдала истины вѣры въ распоряженіе одного человѣка (папы) и сдѣлала въ томъ или другомъ смыслѣ индивидуальный разумъ критеріумомъ откровенной истины; поддерживая въ самыхъ крайнихъ проявленіяхъ мистическія стремленія, она принимала подъ свое покровительство и схоластику, которая стремилась доказать, понять, объяснить всѣ тайны и преклонялась предъ Аристотелемъ. Въ силу отсутствія того равновѣсія между рациональнымъ и мистическимъ, какое мы видимъ въ ученіи православномъ, западная церковь необходимо должна была прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, къ искусственнымъ средствамъ объединенія ихъ. Потому-то постоянное уклоненіе въ схоластическій рационализмъ съ одной стороны, развитіе крайнихъ мистическихъ стремленій и теорій съ другой и неустанная дѣятельность инквизиціи съ третьей—составляютъ главные моменты внутренней жизни западной церкви въ средніе вѣка. Развиваясь постепенно у Бернарда клервосскаго (†1153), Гуго-Сентъ-Виктора, Ричарда-Сентъ-Виктора, Исаака Стелльскаго, Бонавентуры, Экарта, Таулера, Генриха Сузо (†1365), мистика незамѣтно переходитъ въ протестантизмъ, гдѣ скоро проявляется и доселѣ продолжаетъ проявляться въ самыхъ крайнихъ формахъ.

Рядомъ съ христіанскою мистикою, которая всегда отличалась теософскимъ характеромъ, въ средніе вѣка во всей силѣ господствуетъ мистицизмъ языческій, особенно демонологической формы. Никогда люди не боялись такъ демона, какъ въ это темное время ученаго невѣжества, и никогда такъ не вѣрили въ его могущество. Самое благочестіе, молитва и вся вообще религіозная жизнь мотивировалась гораздо болѣе страхомъ передъ силами ада, чѣмъ внутреннею потребностію, любовію и благоговѣніемъ къ Богу. Никогда также въ такой мѣрѣ не было развито стремленіе воспользоваться могуществомъ демона для достиженія различныхъ земныхъ цѣлей и не пользовались такимъ почетомъ некромантія и магія, хотя всякое подозрѣніе въ связи съ демономъ и въ волшебствѣ неминуемо вело на костеръ. Но къ концу среднихъ вѣковъ, рядомъ съ этимъ языческимъ, вульгарнымъ мистицизмомъ, развивается оригинальная форма мистики у людей ученыхъ, алхимиковъ и натурфилософовъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ іудейскихъ каббалистическихъ теорій. Представителями этого рода мистики служатъ Вернардинъ Телезій, Тома Кампанелла, Теофрастъ Паррацельсъ, Иеронимъ Карданъ, Фанъ-Гельмогъ, Робертъ Флуддъ и др. Люди эти стояли выше народныхъ предрассудковъ, плохо вѣрили въ злыхъ духовъ и волшебство. Они видѣли во всѣхъ явленіяхъ міра дѣйствіе матеріальныхъ таинственныхъ силъ, точнѣе—тончайшихъ жидкостей или даже одной жидкости и всѣми силами старались добыть эту жидкость въ чистомъ видѣ. Они были увѣрены, что въ такомъ случаѣ въ ихъ рукахъ будетъ тайна всей жизни природы и они будутъ въ состояніи производить сами все то, что производится природою. Тогда, думали они, въ ихъ рукахъ будетъ безсмертіе, вѣчная юность, богатство, счастье, все блага міра. Проникая всю вселенную, эта таинственная сила жизни особенно сосредоточивается въ человѣкѣ, создавая и оживляя его тѣло и служа непосредственнымъ орудіемъ безсмертнаго божествен-

наго духа, частичка Божества (mens). По мнѣнію Джіордано Бруно, это—тончайшая „духовная матерія“; Телезій называетъ ее spiritus, который обитаетъ въ порахъ (meatus) нервовъ и мозга; Кампанелла называетъ spiritus tenuis, mobilis, lucidus, calidus; по Парацельсу—это звѣздный духъ (archeus), облекающій безсмертную душу прозрачною, тонкою оболочкою; Иеронимъ Карданъ держится подобнаго же мнѣнія. Фанъ-Гельмольдъ тоже видитъ въ этой силѣ свѣтовое начало и называетъ—archeus, aura vitalis, изъ котораго состоитъ тонкое тѣло, непосредственно облекающее въ человѣкѣ безсмертную душу (¹). Фанъ-Гельмольду удалось однажды даже видѣть этого архея.

XV и XVI вѣка, такъ называемая эпоха возрожденія, составляютъ золотой вѣкъ средневѣковой мистики. При всеобщемъ антагонизмѣ противъ схоластики, она получаетъ господство во всѣхъ областяхъ жизни и дѣятельности. Но съ XVII вѣка начинается ея паденіе, и со времени Ваконя и Декарта преобладающимъ постепенно становится рационализмъ. Онъ проникаетъ во всѣ области жизни и знанія и стремится уничтожить всюду все мистическое и чудесное. Главнымъ исходнымъ пунктомъ и главною опорою этого рационализма неваго времени служить новая астрономическая система міра. До XVI вѣка земля представлялась величайшимъ тѣломъ въ мірѣ и центромъ всей вселенной не только въ нравственномъ, но и въ физическомъ смыслѣ (²). Небесный сводъ ее покрывающій и на нее опирающійся—съ солнцемъ, луною и звѣздами представлялись существующими только для земли и ея царя—человѣка. Это представленіе особенно благопріятно было для мистицизма всѣхъ родовъ и видовъ. Въ силу его, тайна всѣхъ

(¹) Stöckl, Geschichte der Philosophie des Mittelalters, T. III, 120, 349, 354, 443, 445—46, 464—468 SS.

(²) Только весьма немногіе мыслители не признавали этого, именно: изъ древнихъ—Филолай, Пифагоръ, Архимедъ, изъ средневѣковыхъ—кардиналъ де-Куза,

тайнъ,—Божество, какъ бы оно ни повималось, должно было обитать очень близко къ землѣ, исключительно заниматься ею и лучшимъ созданіемъ своимъ—человѣкомъ, постоянно вмѣшиваться въ явленія и событія міровой — земной жизни и особенно жизни человѣка. Міръ служебныхъ духовъ и міръ душъ человѣческихъ долженъ былъ помѣщаться, такъ или иначе, тоже весьма близко къ землѣ и ея обитателямъ, окружать ихъ и направлять своею невидимою дѣятельностію и вліяніемъ. На этомъ именно главнымъ образомъ и держится крайній, едва понятный мистицизмъ всѣхъ языческихъ религій. Божество, по ихъ понятію, слишкомъ близко къ человѣку, — обитаетъ или на небесномъ сводѣ, или даже на землѣ, и потому принимаетъ самое мелочное и живое участіе въ жизни и судьбѣ человѣка, хлопочетъ о немъ, является ему постоянно, учитъ его всему полезному и пріятному, устрояетъ его жизнь общественную и семейную, даетъ законы, любитъ и награждаетъ его, гнѣвается на него, преслѣдуетъ и казнить, все это въ буквальномъ смыслѣ. Служебные духи обитаютъ въ лѣсахъ, на поляхъ, въ самыхъ жилищахъ людей, души умершихъ — подъ ногами, въ подземномъ царствѣ: съ ними встрѣтятся всюду весьма легко и удобно. Откровенная религія, какъ іудейская, такъ и христіанская, стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ языческихъ, какъ въ пониманіи вселенной, такъ и въ представленіи Божества. Небо — въ священномъ Писаніи обитель Бога—не есть видимый сводъ небесный, а премірная область, недоступная не только взору, но и мысли человѣческой; положеніе земли во вселенной не имѣетъ никакого значенія для откровенной истины (¹), тогда какъ большая часть языческихъ рели-

(¹) Немногія мѣста священнаго Писанія, относящіяся къ этому предмету, могутъ быть весьма удобно объясняемы въ смыслѣ новой гелиоцентрической системы и она во всякомъ случаѣ болѣе гармонируетъ съ христіанскимъ, вообще откровеннымъ міровоззрѣніемъ, чѣмъ геоцентрическая.

гій стоять и падають вмістѣ съ геоцентрическою системою міра. Но люди, въ разныя времена раскрывавшіе откровенную истину, не могли удержаться на такой высотѣ и, въ темныя времена всеобщаго невѣжества среднихъ вѣковъ, геоцентрическое міровоззрѣніе мало помалу связано было до такой степени тѣсно съ христіанскою религією, что западная церковь сдѣлала изъ него чуть не догматъ вѣры ('). Открытіями Коперника (1543), Галилея, Кеплера, Ньютона совершенно низпровергнуто было геоцентрическое міросозерцаніе, и вселенная предстала предъ человѣкомъ совершенно въ другомъ видѣ. Оказалось, что безконечное пространство наполнено безчисленнымъ множествомъ міровъ, подобныхъ нашей планетной системѣ, что не только планета, на которой обитаетъ человѣкъ, но и цѣлая система, къ которой она принадлежитъ,—въ сравненіи со всѣмъ необъятнымъ количествомъ громадныхъ міровъ — представляетъ ничтожную, едва замѣтную величину, ничтожное звѣно, въ необъятномъ механизмѣ вселенной. Что же такое человѣкъ среди этой необъятной вселенной и что такое всѣ его гордыя вѣрованія относительно себя самого и того сравнительно маленькаго шара, на которомъ онъ съ ужасающею быстротою носится въ пространствѣ, воображая, что стоитъ на немъ неподвижно въ центрѣ вселенной! Человѣкъ исчезаетъ въ этой вселенной и долженъ отказаться отъ мысли, что все создано и существуетъ для него—вотъ первый выводъ, сдѣланный изъ новыхъ открытій. Съ утвержденіемъ его въ умахъ людей неизбѣжно явились вопросы: правда ли, что Творецъ міра такъ близокъ къ человѣку, какъ это думалось доселѣ? возможно ли Его откровеніе и явленіе человѣку? когда

(') Ученіе Коперника было предано въ западной церкви анаемѣ, какъ «ложное пифагорово ученіе, совершенно противное слову Божію»; Джордано Бруно за защиту его сожженъ на кострѣ; Галилей подвергся публичному покаянiю и по смерти лишенъ былъ погребенiя.

вся вселенная движется и живетъ безъ всякаго вмѣшательства Божества, по вѣчно-неизмѣннымъ законамъ, возможно ли непосредственное вмѣшательство Его въ жизнь такого ничтожнаго существа, какъ человѣкъ? возможны ли чудеса—нарушеніе естественнаго міроваго порядка? Большинство передовыхъ и весьма вліятельныхъ мыслителей XVII и XVIII вѣковъ отвѣчали на эти вопросы необинуясь отрицательно. Отсюда легко сдѣланы были выводы, которыми уничтожалось всякое откровеніе, всякая религія въ смыслѣ таинственной связи человѣка съ Богомъ и міромъ духовнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изгонялось все мистическое изъ міра и жизни человѣка. Такъ сложилась основная форма раціонализма новаго времени, извѣстная подъ именемъ *деизма эпохи просвѣщенія*. По ней вселенная есть только совокупность физическихъ силъ и Бога нѣтъ въ мірѣ: Онъ внѣ міра, какъ *primum movens*. Создавши міръ, Богъ предоставляетъ его самому себѣ и не можетъ измѣнить самаго ничтожнаго явленія во вселенной и въ жизни человѣка, не нарушая гармоніи цѣлаго, не разрушая своего созданія. Всюду въ мірѣ и въ жизни человѣка царитъ непобѣдимый, мертвый *законъ* и нѣтъ здѣсь мѣста дѣятельности воли и разума. Если самъ Богъ стоитъ внѣ міра и вдали отъ него, то тѣмъ менѣе могли бы вмѣшиваться въ жизнь міра и человѣка какія-нибудь низшія разумныя силы, если бы даже онѣ и существовали; но ихъ нѣтъ и быть не можетъ. Міръ ангельскій—это продуктъ восточной фантазіи, демоны—олицетвореніе, несоотвѣтствующее ничему дѣйствительному ('). Эти воззрѣнія свободныхъ мыслителей и либераловъ (*freethinker, esprit-fort*) зародились въ Англіи и постепенно развивались у Гербарта, Шербюри, Блоунта, Коллинза, Тиндала, Моргана, Чобба и многихъ другихъ въ свя-

(') Изложеніе деистической доктрины см. въ *Diction. de Theologic*. Т. 1, 485 р.

зи съ философскимъ эмпиризмомъ Бэкона, сенсуализмомъ Локка, Юма, Гертли и др.; изъ Англіи они перешли во Францію и достигли высшей стѣпени своего развитія у Волтера и энциклопедистовъ, а оттуда распространились по всей Европѣ и отравили интеллектуальную жизнь цѣлой эпохи (¹). Навстрѣчу этому разрушительному движенію идетъ и подаетъ ему руку также идеалистическая философія, развившаяся на почвѣ и подъ прямымъ вліяніемъ протестантства, философія, которая отвергала всякое преданіе, начинала съ скептицизма и въ концѣ концовъ въ той или другой формѣ приходила къ тому же отрицанію всего таинственнаго въ мірѣ и къ деизму (²). Первые деисты, отвергая все таинственное въ мірѣ, признавали еще субстанціальность и безсмертіе человѣческой души, хотя и издѣвались надъ ученіемъ о загробной жизни, о блаженствѣ и мученіяхъ; но мало помалу деизмъ выродился въ чистѣйшій атеизмъ и матеріализмъ, полнымъ выраженіемъ котораго служитъ знаменитая *Systeme de la nature*, гдѣ все сводится къ простому механизму, даже безъ *primus movens*.

Никогда мистическій элементъ въ мірѣ созерцанія и жизни не подавлялся еще съ такою силою и никогда рачіонализмъ не получалъ такого широкаго распространенія и всеобщаго признанія въ образованномъ мірѣ, какъ въ XVIII вѣкѣ: благодаря масонскимъ ложамъ, которыя усвоили себѣ основныя идеи деизма, онъ проникаетъ даже въ низшіе необразованные классы. Нужно было такое страшное потрясеніе, такое доведеніе на практикѣ рачіонализма *ad absurdum*, какъ первая французская революція, чтобъ отрезвить образованную Европу отъ этого увлеченія и произвести сильную реакцію въ пользу мистицизма. Но и помимо этого, въ силу указаннаго историческаго закона,

(¹) Gerzog, Realenzyklopedie. Deismus. Геттнеръ, исторія литер. XVIII в. Шлюссеръ, исторія XVIII вѣка.

(²) Dörner, Entwicklungsgesch. d. Lehre von Person Christi.

мистицизмъ далъ себя почувствовать задолго еще до революціи: онъ развивается вмѣстѣ съ рационализмомъ и чѣмъ рѣзче и сильнѣе становится этотъ послѣдній, чѣмъ сильнѣе возбуждается стремленіе къ таинственному и тѣмъ крайнѣе формы мистицизма. Въ одно почти время съ деистами выступаетъ съ своею теософіею, основанною на мнимомъ откровеніи и просвѣщеніи свыше, Яковъ Бэмъ († 1624) ⁽¹⁾. Близко съ мистицизмомъ граничитъ также идеализмъ Беркли, направленный прямо противъ атеистовъ и рационалистовъ, также система картезіанца Малевранша. За тѣмъ, кромѣ усиленія мистическаго направленія въ протестантствѣ и даже въ католичествѣ, съ конца XVII и особенно въ XVIII в., мистицизмъ воскресаетъ въ самыхъ дикихъ формахъ. Въ Германіи является общество маговъ и чудотворцевъ подъ именемъ розенкрейцеровъ; въ Англіи Джонъ Пордэйджъ созерцаетъ Бога лицомъ къ лицу и даже вмѣщаетъ его въ себѣ, постоянно видитъ демоновъ и ангеловъ; нѣчто подобное же проповѣдуетъ его ученица Дженъ Лидъ. Во Франціи—полусумасшедшій, полу-шарлатанъ Сень-Жерменъ (ок. 1770), увѣрявшій, что онъ живетъ двѣ тысячи лѣтъ и никогда не умретъ, что онъ обѣдалъ у понтійскаго Пилата и состоитъ въ близкомъ общеніи съ міромъ духовнымъ, находилъ себѣ вѣрующихъ ⁽²⁾. Итальянецъ Юсіфъ Балзамо, магъ, теургъ, некромантъ и чудотворецъ, подъ именемъ графа Калиостро (1747—1795), объявляетъ себя повелителемъ ангеловъ и всѣхъ силъ небесныхъ, увѣряетъ, что онъ пришелъ возродить человѣчество, дарованіемъ своимъ послѣдователямъ вѣчной юности, совершаетъ мнимыя чудесныя исцѣленія, угадываетъ мысли людей и пророчествуетъ. Во главѣ огромной свиты онъ совершаетъ путешествіе по Европѣ отъ

(1) Tenneman, Gesch. der Philosophie. B. X, 197 p. Cp. Stöckl, Gesch. der Philosophie des Mittelalt. B. III, 569—608 SS.

(2) Migne, Dict. de scien. occultes. T. II, 456 p. (49 T. Encyclopedie Theologique).

Парижа до Варшавы, путешествіе, которое похоже на какое-то триумфальное шествіе, всюду находить множество поклонниковъ и желающихъ посвятиться въ таинства его религіи, быть принятыми въ его „египетскую ложу“, во главѣ которой стоитъ онъ самъ подъ именемъ великаго князя (1). Объ немъ ходятъ самыя нелѣпыя мистическіе толки, въ которыхъ повѣствуется, что онъ безсмертенъ, что онъ даже существо высшее человѣка, что онъ присутствовалъ на бракѣ въ Канѣ галилейской и т. п. Особеннымъ успѣхомъ и вниманіемъ Каліостро пользовался въ самомъ, такъ сказать, горнилѣ рационализма — Парижѣ. Его называли здѣсь не иначе, какъ „божественный Каліостро (le divin Cagliostro), носили на себѣ его портретъ, его знакомства и принятія въ его ложу искали самыя либеральныя и знаменитыя мыслители и т. п. Все это факты весьма знаменательныя и характеристическіе, но они не оставили по себѣ прочнаго слѣда въ исторіи и не отразились непосредственно въ послѣдующихъ явленіяхъ. Гораздо важнѣе и богаче послѣдствіями была дѣятельность знаменитаго шведскаго пророка, Сведенборга (1688—1772). Человѣкъ высоко-образованный, серьезный и извѣстный ученый — математикъ и механикъ, онъ объявляетъ себя пророкомъ и духовидцемъ. Онъ увѣренъ, что предъ нимъ открыты небо и адъ, жизнь которыхъ онъ наблюдаетъ непосредственно; онъ бесѣдуетъ съ своими умершими знакомыми, приноситъ желающимъ извѣстія отъ родныхъ съ того свѣта, привираетъ въ своей гостинной *Virgilia* и другихъ замѣчательныхъ людей древности. Все это онъ описываетъ въ обширныхъ сочиненіяхъ и находить себѣ много сочувствующихъ, возбуждаетъ толки и ожиданія во всей Европѣ; наконецъ около его личности формируется цѣлая религіозная секта, которая распространяет-

(1) Ibid. Т. I. (48 Т. Encyclop). Каліостро схваченъ былъ инквизиціею и окончилъ жизнь самоубійствомъ въ замкѣ св. ангела.

ся въ Европѣ и особенно Америкѣ и доселѣ считаетъ большое число послѣдователей (').

Но, не смотря на успѣхъ свой, ни теософія Бама и ему подобныхъ, ни алхимическія бредни Сентъ-Жермена, ни обставленная пышнымъ ритуаломъ теургія и психомантія Калиостро, ни непосредственное созерцаніе міра духовнаго Сведенборгомъ, не могли дать сколько-нибудь прочнаго удовлетворенія стремленію къ таинственному. Мистицизмъ здѣсь являлся въ слишкомъ уже старыхъ, слишкомъ обычныхъ формахъ, надъ которыми слишкомъ уже много смѣялись образованные люди новаго времени. Этотъ мистицизмъ былъ въ пору средневѣковымъ людямъ съ ихъ узкимъ міросозерцаніемъ, съ ихъ маленькою вселенною, съ ихъ неисчерпаемою легковѣрностію. Людямъ XVIII и XIX вѣка, для которыхъ вселенная необъятна, которые воспитаны на положительныхъ истинахъ естествознанія, которые привыкли вполнѣ вѣрить только тому, что доступно непосредственному опыту,—нужна была другая мистика и по содержанію и по формѣ, имъ нужно было такое откровеніе сверхчувственнаго и таинственнаго, возможность котораго была бы понятна для нихъ, которое было бы сообразно съ законами природы, дѣйствительность котораго могъ бы всякій повѣрить собственнымъ опытомъ. Вѣра въ непосредственное озареніе свыше, открывающее самыя сокровенныя тайны вселенной, какъ и вѣра въ магическое вліяніе на міръ духовный мудреныхъ, но въ сущности совершенно бессмысленныхъ, словъ, фигуръ и обрядовъ не могла уже держаться въ умахъ долгое время, хотя и раждалась подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія какимъ-нибудь поразительнымъ явленіемъ въ этомъ родѣ. Нужно было другое средство вызывать духовъ и проникать въ

(') О Сведенборгѣ см. Matter, Emmanuel de Swedenborg, sa vie, ses écrits et sa doctrine. 1863. Der Geisterseher Swedenborg, übersetzt v. Musäus. Этюдъ Шлейдена, Эмман. Сведенборгъ. Христ. чтеніе 1866 г. ч. I.

міръ сверхчувственный, средство болѣе сообразное съ уровнемъ новѣйшаго знанія и міросозерцанія. Какъ-бы въ отвѣтъ на это требованіе, въ концѣ XVIII вѣка возрождается алхимическій мистицизмъ конца среднихъ вѣковъ въ новой формѣ. Докторъ Месмеръ (1733—1815) провозглашаетъ открытіе новой, доселѣ невѣдомой, хотя чисто физической силы, таинственно дѣйствующей во всей природѣ и особенно въ человѣкѣ, который можетъ вліять на нее силою своей воли и производить такія явленія, какія всегда относились къ области сверхъестественныхъ, т. е. чудесъ. Сила эта есть такъ называемый „животный магнетизмъ“ — тончайшая невѣсомая жидкость, разлитая повсюду. Открытіе, теорія и практика Месмера, такъ называемый „месмеризмъ“ лежитъ въ основѣ всѣхъ главнѣйшихъ проявленій мистицизма въ XIX вѣкѣ, за исключеніемъ чисто-религіозныхъ, развившихся на почвѣ протестантизма ученій, имѣющихъ въ своей основѣ главнымъ образомъ христіанскую эсхатологію ⁽¹⁾. Впродолженіе слишкомъ получѣка месмеризмъ постепенно развивается, сосредоточивая въ себѣ и около себя всѣ мистическіе элементы эпохи и стремленіе образованныхъ мистиковъ, и на высшей ступени своего развитія наконецъ является въ формѣ широкой и связанной системы, именно — системы спиритизма. Месмеризмъ есть главный зародышъ, краеугольный камень этого интереснаго явленія: исторія месмеризма прямо переходитъ, какъ мы увидимъ, въ исторію спиритизма, сливается съ нею и бросаетъ яркій свѣтъ на самыя главныя стороны, на самую сущность спиритической доктрины.

В. Снегиревъ.

(продолженіе будетъ)

⁽¹⁾ Объ этихъ ученіяхъ см. сочиненіе Диксона: *Духовныя жены*.